

Сергей Решетников

Крымские черви

16+

Сергей Решетников

Крымские черви

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Решетников С.

Крымские черви / С. Решетников — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Во время курортного сезона в Крыму приехавшая на каникулы девушка Маша и местный парень Леня противостоят неожиданно возникшей угрозе - гигантским плотоядным червям.

Сергей Решетников Крымские черви

Не такое уж это легкое дело, вести машину в жару – подумал Везин, смахивая с выпуклыми жилами тыльной стороной ладони нависшую над бровью каплю пота. Он приостановил плявющий под солнцем «фольксваген» в ожидании пока минует проезжую часть последняя в стаде, отгонявшая хвостом мух корова. – Невыносимая жара! – Везин посмотрел на растертый по коже пот с поднимавшимися кверху, выдержав присутствие соленой влаги, желтыми выгоревшими короткими волосками. Сквозь опущенное стекло его лизнул в щеку прибежавший с моря ветер, поиграл, разворачиваясь, внутри машины и только подразнив быстро подставивших лица, приканчивавших вторую бутылку теплой воды немцев, тут же умчался крутить по проселочной дороге мелкую въедливую пыль.

Час уже, подумал Везин, мотаемся.. Да какой там час! – Везин смерил расстояние, пройденное маленькой часовой стрелкой под исцарапанным стеклом, припоминая положение ее, когда машина свернула с асфальта, выбрасывая из-под колес хрустящие горсти горячего гравия – Час двадцать.. Или все полтора.. Засек же время – одиннадцать ноль две. А сейчас? – загорелая, с переливами волосяного золота рука снизошла до того чтобы оставить подрагивавший на камнях черный, с внутренней волной руль – длинная стрелка упорно желала породниться с двенадцатью, тогда как другая, сделав свой выбор, указывала на единицу – час дня.. Час дня и солнце должно быть уже в зените. Иначе не было бы так жарко. Так жарко.. Хотя, подумал Везин, машина вбирает лучи и становится с каждой минутой все сильнее и сильнее доброй, промачивающей рубашки, сауной. Этого не брать в расчет тоже никак нельзя.

– Игор, – нагнулся к Везину Хельман – Это остановка море? – Хельман говорил по-русски.

Везин дал оценку показавшейся впереди, после спуска с холма, неподвижной, похожей на бескрайние поля незаселенных миров, сиреневой, с белыми пучками, полосе.

– Да, море.

– У-ух, хорошо. – Хельман завинтил приготовленную для спасения в течение следующих часов поездки пластиковую бомбообразную бутылку – Очень-очень долго ехал море!

– Это ничего, – отозвался с водительского места Везин – вот если б мы на дороге стали – поломка там, или еще что – вот это было бы да! Сжарились бы в три крутых яйца!

Эрне придвинул ухо к Хельману, что-то спросив у того по-немецки, сняв панаму, обнажившую завидных размеров рыжую копну волос, желая, очевидно, услышать перевод сказанных русским фраз. Пошушукавшись, немцы расселись по прежним местам, приняв невозмутимый, не смотря на блестящие выступившим жиром носы, готовый к долготерпению вид.

Молодые, – подумал Везин, бросив через зеркало взгляд на лица Эрне и Хельмана. – Широко раскрытые радостные глаза. Такие, что на какой-то миг даже стало не по себе.. Чего-то вдруг.

– Приехали. – Сказал Везин, остановив машину под сетчатой тенью убранного гирляндами пустых сухих листьев дерева, метрах в пятнадцати от моря. Точно газетные ошметья. Протянув руку, отнял у Хельмана бутылку с водой и плеснул себе во взятый из бардачка запыленный стаканчик, постеснявшись пить из горла. – Кому в туалет, – не стесняйся мужики.. – как уроженец курорта, Везин без труда определил по ряду признаков, что гости уже на пределе.

Поняв слова, Эрне заспешил в указанном ему направлении, покидая автомобиль, не забыв водрузить на подсолнух-голову спасительную панаму.

Пусть себе идет, вздохнул, открыв дверь но не выходя пока, Везин. Долго терпел, бедняга.

– Игор, ви не хочу море? – при виде близкой воды Хельман, совсем очумев, посрывал с себя всю припорошенную пылью одежду, аккуратно, однако, сложив ее и оставив дожидаться в уголку на заднем сидении.

– Я позже – Везин вдруг понял что совсем не хочет лезть в воду. Только отдохнуть, посидеть в тишине, с закрытыми глазами. Слушать шум набегающих волн и считать переходящие из белого в огненно-красное, пролетающие по черному экрану, безраздельно властвовавшие над его вниманием последние несколько часов, короткие, одинаковые как одна полосы дорожной разметки.

– Игор, быстро ходил море вместе!.. Очень солнце! – поправляя плавательные трусики, Хельман встал на песок длинными, как ласты, белыми ногами.

– Все..Закрылось депо, ребята. – сбившись в конце первой сотни, Везин перестал считать белые полосы, мысленно внушая себе расслабиться, дожидаясь их исчезновения. – Дальше без меня.

Не став навязываться больше, Хельман зашагал к морю один, раскачиваясь из стороны в сторону всем своим двухметровым телом и смешно кривя волосатые ноги, стараясь идти по обжигающему песку ребром морщинистых ступней.

Щуря на солнце глаза, Везин проводил его до кромки так и не взятой набегавшими волнами высоты, не пожелав смотреть как будет мочить, отпрыгивая, ноги по щиколотку в соленой воде высокий иностранец, посчитав для себя лучшим сейчас расстегнуть рубашку до последней пуговицы и подождать так, с закрытыми плотно прижатыми веками шлепка в волны разогнавшейся тяжелой массы, что означало бы только одно – Хельман поплыл.

Людей на пляже было мало, благо что пляж был не городской и достаточно отдаленный. Дикий пляж. По спускавшимся к морю тропинкам сюда сбредались, не на большое время и в основном не плавая, жители близлежащих деревень и их дети, а так как удобств в виде грибков, шезлонгов, съестного сервиса, разливного пива и площадок для стоянки здесь и вовсе не было, количество охотников поплавать в легконесущей прохладной соленой морской воде, прибыв-

ших из сравнительного далека, зачастую даже превышало то мало-мальское количество пляжных тел, которое составляли аборигены, но и оно само по себе, как не трудно было догадаться, было весьма невелико.

Везин поднял пальцы и промассировал глаза сквозь скрывавшие их усталость веки, открыл последние, оюждав пока рассеется темнота и комариное кружение ярких всполохов и обретя вновь возможность все различать отчетливо и хорошо, посмотрел, спустив ноги в сандалиях на землю, не слишком ли далеко заплыл немец – Хельман, не отплывая далеко, барахтался возле берега. Справа раздался детский плач – раздетая догола маленькая девочка с мокрой куклой в руках требовала у толстой загоравшей на боку матери каких-то благ для себя. Потрясаемая складками волнообразно расположившегося жира на бедрах, мать девочки сняла прикрывавшую голову шляпу и двинув со свисающим крылом кожного мешка рукою в ее сторону постаралась по возможности уgomонить скандалистку. Рыкнув голосом еще и еще раз в дуэте с изменявшим форму подбородком, девочка прекратила плач.

Через секунду Везин услышал крик Эрне – короткий, невыдающийся возглас боли.

Похоже, что и Хельман услышал – успел подумать Везин, бросив екнув сердцем, машину, на скором, выбрасывая фонтанчики песка подошвой, ходу заприметив выбегающего на сушу, трясая с головы водой, зыркнувшего на него перепуганными глазами Хельмана. Не успели траектории обоих ходоков пересечься, как оба увидели выходящего из кустов Эрне – гримаса перекосила его враз побелевшее лицо. Держась рукой за икру чуть пониже колена, одетый в шорты, при хотьбе он волочил, не переставая оглядываться по сторонам и повторяя неслышно немецкие слова, правую ногу.

– Что стряслось!? – крикнул, дублируя вопрос Хельмана, начавший всерьез беспокоиться при виде хромающего немца подбежавший Везин.

– Шайсе! – выругался Эрне, отвечая, что было вполне логично, Хельману, проигнорировав вопрос на русском языке – Тра-тра-тра-тра!.. – заколотил он по-немецки, обернувшись в сторону кустов и посмотрев себе под ноги.

Должно быть проколол ногу колючкой, подумал Везин и заметил как задав Эрне вопрос и получив ответ на него, стал рыскать по сторонам и сам Хельман. Эрне развел руками в ширину чуть больше полуметра, будто намереваясь похвастать размерами пойманной рыбы и тогда Везин увидел кровь на его ноге – небольшая ранка, словно слегка ободрано, посмотрел Везин, обойдя немца, на ногу. И как же это угораздило его! Все не слава богу.

– Что стряслось? – спросил на этот раз уже Хельмана Везин.

– Щх-х... – начал было Хельман, но от волнения не успел сообразить правильно, закрыл глаза и помотав головой вспомнил нужное слово – Змея!

– Змея? – теперь настала очередь осматриваться по сторонам самому Везину.

– Змея, вот такой. – Хельман развел широкие ладони, слегка преувеличив размер, приведенный потерпевшим Эрне, но не намного, ни изменяя немецкой точности.

– Поди ж ты! Неужто цапнула? – Везезин почувствовал как подкрадывается к сердцу волна поднявшегося на ноги страха. Он всерьез начал беспокоиться за Эрне, который то отрывал, глядя на кровь, короткопалую, с перстнем и узорчатой татуировкой руку, то прикладывал ее назад, проковыляв до середины пляжа и сев, охнув, на песок.

Как бы я хотел, чтобы все это оказалось сном, поймал себя на мысли вернувшийся к машине и доставший из багажника саперную лопатку Везезин. Просто дурацким, глупым сном – немцы, поездка на море, Эрне кусает змея и тут я просыпаюсь. Обыкновенно просыпаюсь и ничего нет... Нет..

– Игор, – предостерегающе покачал головой хватая принесенную ему рубашку Хельман, разгадав воинственные намерения вооружившегося лопаткой Везезина – Игор, ни хт!.. Не ходит!

– Ладно – проворчал Везезин, аккуратно ступая между камней в сторону подранивших рыжего Эрне кустов – Сейчас посмотрим, что там за тварина.

Выгоревшие на солнце, царапавшие кожу кусты расступились, пропуская человека к себе и через минуту, раздвигая на ходу лопаткой самые непролазные заросли, Везезин был уже в самом центре колючего кустарника, свою лепту в особенность которого вложил и укушенный немец.

Яйца... Они лежали на дне влажного, загаженного мусором под завязку оврага, напомнив горку из диетических в магазине, не шипко большой, в шесть-семь штук, кучкой, голубоватой скорлупы, слегка грязноватые на вид, по размеру более схожие с голубиными или с яйцами перепелки. Почему это были яйца а не что иное, Везезин бы вдумчиво ответить не смог, спроси его кто, но положил бы голову свою на отсечение, что это были именно они. Мало того что яйца эти, как уже упоминалось, были грязные на вид, поведенные вкруговую по скорлупе очевидно природной сероватой дымкой, они были грязны и от естественно воздействовавших на чистоту близких соседей – отходов, дерьма и мусора, не говоря о ползавших и по ним и вокруг бесчисленных насекомых, представлявших на этом отдельно взятом участке земли, по личному мнению Везезина, весь свод знаний ученого мира о ничтожных букашках.

И что ж это за прица такая, – Везезин пошевелил яйца кончиком прикрепленного на древко лопаты штыка – раскидалась тут.. Но какая была это птица, и птица ли вообще, Везезин не знал, так как никогда не имел случая подержать в руках каких-либо птичьих яиц, кроме куриных, да и то все больше в приготовленном в основном на завтрак виде.

– Игор! – услышал Везезин голос зовущего его Хельмана, в котором без труда угадывались панические нотки – Игор!.. Вереизн!

Моля бога чтобы Эрне не умер прямиком тут, на пляже, Везезин оставил лежать яйца на их месте, трезво рассудив что не он их здесь откладывал, стало быть и не ему ворошить, поднял лопату и повернув уже к пляжу, чуть не наступил на шмыгнувшую из-под ног змею.

– Мать твою так и растак! – закричал подпрыгнувший Везезин, чувствуя как слегка защемило сердце, глядя на уползающий в укрытие прожженных кустов толстый, отбросивший напоследок свет солнца, скользкий черно-синий хвост. – И вправду змея, ребята! – заголосил он через кусты, не считаясь с тем что обоим немцам наплевать на результаты его поисков,

поскольку один ранен и вполне даже может быть что умирает, а другой находится подле него, пытаюсь сделать хоть что-то возможное, позволившее бы облегчить страдания друга.

Медленно пятясь, чувствуя не унимающуюся дрожь в руках, Везин вернулся на полоску пляжного песка, упрекая себя в трусости, оглядываясь через плечо на оставшиеся позади кусты.

Подложив Эрне под голову свернутое полотенце, стоя на коленях, Хельман склонился над лицом закрывшего глаза товарища, не переставая звать его по имени, тряся аккуратно за взятый двумя пальцами, как пинцетом, подбородок. Но Эрне был неподвижен и лишь только искусственно приводимые в движение колышущиеся щеки его создавали видимость как будто лежащий на песке человек полощет содой рот.

Приехали, – увидев картину, тут же с нахлынувшим отчаянием подумал Везин – помер..

Подойдя к молящему глазами о помощи Хельману, переживая абсолютный разброд в голове и смятение чувств, не понимая, отчасти, происходящего, по причине должно быть одолевшего человека переживания, Везин опустился на колени рядом и заглянул в лицо кашавшегося еще более побелевшим или посеревшим даже от укуса Эрне.

– Неужто обмер? – задал он вопрос находящемуся на грани Хельману – Умер или нет?

– Игор.. – словно его посетила спасительная мысль, повернулся к водителю немец – Игор, очень-очень быстро ехать Эрне хоспитал! Очень-очень, Игор!..

– Да. – кивнул Везин, вспоминая с трудом залежалые в памяти правила первой помощи при укусе человека ядовитой змеей – какие-то жгуты, перевязки, прививки с противоядием – Давай-ка вдвоем его! Мы должны доволочить его до машины.

Противоядия, или какой-нибудь заменяющей его сыворотки в поселке с подходящим к погодным условиям названием Солнечное не оказалось. Правив машиной по перебитым ямами, то идущими под уклон, то взбегавшими на горку сельским улочкам, Везин гадал и молил все неизвестные ему небесные силы только об одном – пусть бы только немец остался жив.. Все остальное не имело теперь для него, после увиденного на прибрежной полоске песка бледного, со смертельной маской лица, слишком явного, первоочередного значения.

Лишь бы только он был жив, – думал Везин – только бы не сдох.. А все остальное ерунда, все остальное несущественные мелочи, на которые можно закрыть глаза и плюнуть. Но только не это.. Только не это, нет!

Пробравшись в салон и двигаясь по сидению коленями, приподняв ноги свесившегося к земле задом немца, Везин почувствовал некоторое головокружение и темноту в глазах.

От усталости, – успокоил он себя – от усталости, должно быть. Или от того что нагнул. Ах ты ж боров! До чего тяжелый.

Посмотрел на белое, мелом будто присыпанное лицо – ой ты, мама моя!..

По пути к городу, не окликая никого по причине чрезмерного недомогания и от отсутствия сил, растревоженный однообразным, при быстром движении, гудением мотора, Эрне открыл мокрые голубые глаза, пожелтевшие белками от бессознательного его состояния все это время, увидел синее небо за стеклом, череду уносящихся вправо одинаковых зеленых тополей, а скосив глаза набок, причем в голове отдалось легким толчком точно крови и помутнением, увидел он затылки сидящих впереди товарищей. Остальную дорогу до города он проспал.

Ночной сон Маши был великолепен. Он был и прекрасен и страшен одновременно, так, как только лишь может быть единственный раз за долгое время, за длинный временной отрезок, подготовленный неделей или более того пустых темных переживаний разума между границ неродившейся надежды и восходом пустой серой реальности. Оставшись жить в памяти на целый день, он отзывался необычайным, проникновенным видением, этот дивный сон.

Многих такие видения заставили бы остановиться и усомниться в дальнейшем пути, они бы подействовали на человека приметчивого, то есть маловерного и робкого, суеверность которого порою предрекает на неуспех даже самые легкие для него задачи и простые дела, но отнюдь не такой была Маша Корягина, в свои восемнадцать лет представляя на суд хрупкое, пропорциональное, цветочно-гибкое телосложение, желавшая добиться и добивавшаяся, так или иначе, воспитания и закалки своего характера таким жестким порой для молодой девушки образом и с такой несокрушимой убежденностью, что даже родной отец ее Павел Алексеевич, человек сам сложный и легко признававший это, давался диву иной раз резкости и упертости в некоторых выходках, что с успехом выбрасывала дочь.

Врнувшись от журнального киоска на Курском вокзале, отец девочки еще раз, чтобы не увидела дочь, для которой, он знал, это будет лишней темной каплей в бокал их сложных взаимоотношений, посмотрел на стрелки продолговатых золотых часов и убедился что пора была уже уехать, не смотря на то как подумает о нем Маша. А она наверняка не станет любить его после этого крепче, даром что и работа его, как бы кому это не представлялось пустым, становилась теперь все больше и опаснее с каждым днем, с добровольного его согласия, неким опутывающим в сети человека поглотителем, отнимавшим с безжалостностью хулигана все свободное время. А его было ничтожно мало..

Сняв с плеча черную продолговатую новенькую дорожную сумку, которую он носил за дочь, говоря что она ей слишком тяжела, (причем Маша нисколько с ним не соглашалась и вообще настаивала против нежностей и обхаживания) и оставив ее на полу, мужчина уселся в занятое рядом с дочерью для него пакетом прогнувшееся под тяжестью тела кресло, подтянул брюки и, взглянув ей в лицо, отметив про себя как тоскливо сжалось вдруг его сердце – ведь Мария все больше становилась похожей на мать, все больше и больше с каждым днем – он отвел глаза и хлопнул себя по коленям.

– Ну, в путь-дорогу? Как настрой? – отец не надеялся что девочка станет отвечать ему на этот выдвигнутый из тюбика вопрос и потому просто поправил темные, с каштановым отливом волосы ее, заправив их за ухо. Глазки-то печальные..

– Не надо, зачем ты.. – уклонившись, Маша вернула волосы на место. Прямые и чистые, они блестели в огромном многолюдном зале искусственного света. Она считала минуты до того момента, когда вновь останется одна. Вот, теперь уже скоро... Скоро до того как уйдет отец. Уедет на своей черной, покатиистой, похожей на монстра машине. Уедет скорее туда, где его ждут с нетерпением и где без него все рухнет и остановится, точно он самый ответственный винтик в механизме огромных напольных часов, уедет домой, где будет поить горячим молоком с медом младшую ее сестру Арину – шумную и капризную девочку – что была моложе своей старшей на восемь лет.

– Езжай уже. Езжай конечно, а то опоздаешь.

Посмотрев в лицо девушке, говорит ли она с обидой или без и не раскрыв в ее темно-зеленых с коричневыми крапинками глазах ни одной из тайн, лживо решил Корягин сам для себя, что обиды в них нет и медленно поднялся на ноги.

На широком плоском табло прошла волна – менялись буквы в названиях направлений, где пунктом старта было неизменное «Москва», и цифры в колонках прибытия и отправления поездов.

– Пап... – Маша старалась не смотреть в глаза отцу. Тот замер на месте, удивленный что дочь сама обращается к нему и притом столь нежно – А это обязательно?..

– Что именно? – отозвался с готовностью Павел Алексеевич.

– А это обязательно... – Маша запнулась – вам с мамой разводиться?

Вот оно в чем дело. Корягин-старший обмяк, приблизился к дочери, взял ее лицо в свои крупные жилистые ладони и робко в начале, но потом уверенно привлек к себе. Посмотрел какое-то время в умные темные глаза – молодая копия матери – и поцеловал в лоб.

– Давай мы с мамой подумаем об этом.. А ты не засоряй себе голову – отец говорил тихо, вполголоса и Маша заметила как движется секундная стрелка на его роскошных золотых хронометрах – В сентябре у вас, мадемуазель, университет и сейчас ваши мозги, сносилованные книгами должны проветриться.

Игривый тон вызвал бледную улыбку на лице дочери. Она более не сопротивлялась и прильнула к отцу всем телом, ощущая аромат впитавшегося в ткань пиджака мужского парфюма.

– Я хочу, чтобы это было самое великолепное и незабываемое лето в твоей жизни – услышала она, отсчитывая про себя оставшиеся до расставания секунды. Или биение сердца?

– Пойду возьму нам кофе. – Корягин отец вмиг стал прежним, вернув и норовитый голос и львиную осанку на место. Это означало одно – конец сентиментам.

Маша отпустила обнявшие ее слух потоком музыки наушники и ошупью найдя пальцем в кармане переключатель диапазонов, выбрала, оставив себе без размышлений, одну радиоволну, где передавали Вивальди – «Грозу» из «Времен года». Потрясающая музыка! Маша увеличила громкость. Сошедшиеся со всех концов горизонта дождливые тучи над Москвой вторили музыке дармовым бутафорским приложением – не хватало лишь раската грома и сверкнувшей через все небо, озаряя лица людей, молнии.

Должно быть, подумала она, ди-джей очень славный парень, раз он так здорово без промаха угадал настроение ее и настроение всей сегодняшней погоды, города, земли и неба, выбрав для эфира Вивальди, а может быть все это потому, что сама музыка хороша.

Осмотрев переполненный людьми зал, чьих голосов, смеха, плача, зевоты и ругани она теперь не слышала, на мгновение Машей овладел испуг – мысль о том, что отец уехал, не поцеловав ее и не попрощавшись, уехал обиженный, что могло быть повлечено ее поведением, и не желая больше видеть свою дочь.

Но нет, отец не уходил. Он шел к ней, неся в руках две дымящие горячим кофе чашки. Скорее отвернув голову, чтобы он не заметил как девочка искала его глазами в толпе снующих при вокзале людей, она приняла прежний гордый и невозмутимый вид, не зная даже о том какой трогательно-милой, своенравной, но настолько дорогой и славной нашел ее все-таки увидевший ищущий взгляд по-детски потерянных глаз, пришедший и опустившийся на свое кресло со стаканами в руках Корягин-старший.

Они молча пили кофе, думая каждый о своем, как могут сидеть и пить кофе двое совсем не знакомых посторонних людей на вокзале, но они не были посторонними и по той нити, по той связующей двух родных людей ветви, неразрывно держащей два сердца вместе, существование которой неизвестно, но в которую можно только верить что она есть, Маша молила небеса позволить отцу услышать ее немые крики – «Папа, почему же все так?.. Почему так?.. Ведь я люблю вас с мамой!.. Эх, вы.. подвели.

Если сапожник не обманул и не сжульничал, то "кроссы" вполне могут продержаться до прихода

сентября и появления желтой «седины» в парковых аллеях» – припечатывая шаг, чтобы по сильнее срастить подошву посредством клея к остальной части кроссовок, и нисколько не заботясь о том как выглядит он в глазах бросавших немые вопросы граждан, следовавших вверх и вниз по улице, Леня Васинцев развернул оставивший на его ладони краску пакет и еще раз проверил бывшие у него с собой документы – паспорт, трудовую книжку, купленную в магазине канцтоваров, пару фотографий с кислым лицом.

Голодные и воинственные стаи воробьев, оббивая друг друга крыльями при мельтешении хвостов в воздухе и выщипывая клювами одиночно опадавшие в порывах теплого ветра к тротуару перья, сопровождали парня по всему обсаженному по обочинам каштанами проспекту, перелетая с одного из них, украшенного редкими игольчатыми шариками плодов, на другой, не переставая верещать и дразня проходивших вдоль по улице прохожих, высматривая у них в руках кусок отломленного хлеба – не полетит ли он на землю, ознаменовав собою конец бессмысленным поискам и пришествие птичьего пира.

Свернув в левый проулок, Леня зашагал в направлении тихих старых непроезжих центральных улочек. Пройдя по бетонным плитам парковой дорожки, мимо черного памятника, взметнувшегося к небу главою в просьбе дождя, обсиженного с весны стаями ворон и протиснувшись через раздавленные в стороны прутья старинной, или переделанной под старину ограды, он вышел по над окнами музыкального класса к центральному входу в бывший Дом пионеров.

Тишина в просторном и прохладном вестибюле насторожила юношу, не смотря на то, что двойные старые коричневые двери были открыты практически настежь, очевидно для курсирования по этажам воздуха, из-за едва уловимого запаха краски, тем не менее отсутствие шума не было привычно этим стенам. Тишина передалась Васинцеву неприятной мыслью о том, что возможно в здании уже никого нет и неопределенность для него с работой будет затянута еще на один лишний, вылившийся в зряшные труды день.

Взойдя по каменной лестнице на второй этаж и открыв поддавшуюся дверь в приемную, он услышал из-за закрытой директорской женские бурно беседовавшие о чем-то наверняка важном голоса. Стол в приемной, где в огромном старом принтере обвис не допечатанный лист, был не занят, а значит высокая лошаденка- секретарша, которую Васинцев имел возможность разглядывать со спины битых полчаса в прошлый раз, скорее всего была за закрытой дверью у директрисы, велевшей ему принести сегодня к обеду паспорт и всю остальную охапку бумаг, какую он только бы смог распахать по карманам.

Не став стучать в дверь, Васинцев развернул пакет с рекламой губной помады, отчего во многом и зависел цвет смешавшейся с потом краски на его ладонях и приготовился к финальному аккорду за пускай временное, но все-таки рабочее место, позволившее бы ему продержаться на плаву еще месяц или два.. А то и все три.

Заголосивший на столе телефон в приемной вызвал молоденькую коротко стриженую женщину с крепкими длинными ногами из-под легкого, с отсутствием пуговиц, платья. Появившись из-за двери, она едва не задохнулась от мелкого испуга – настолько ранимо было телячье сердце не ожидавшей присутствия в комнате постороннего Люды Марковой, не слишком расторопной секретарши, которую многие, очень многие считали милой, но недалекой. На жалость

Леня быстро пролистал глазами загорелые ноги, затем поспешил вычертить на лице проблеск разума и рассудительности, что, по его представлению, непременно должно было работать на пользу, засчитавшись плюсом и помочь пристроиться до наступления первых осенних дней университетских занятий.

– Привет – парень взял в руку документы так, чтобы их было хорошо видно.

-

– Не хотел вам мешать своим вторжением – пояснил он свое присутствие – Захожу, а у вас там как-будто разговор.. Замышляете великие дела?

– Да, дел навалило невпроворот – Люда вернулась за монитор, намереваясь допечатать начатое – Отправляем наших в Партенит, на фестиваль детского творчества. Большое дело?

– Я слышал – Васинцев приготовился войти в дверь с табличкой, вещавшей о нахождении внутри директора и многозначительно скривил губы, хотя судьба фестиваля, где бы тот не проходил и под каким бы лозунгом, его абсолютно не заботила – И кого посылаете?

– Ансамбль баянистов – не без гордости в густом голосе ответила Маркова – Наши ребята с Кандинским в прошлый раз ничего не взяли, но это потому что все места расхватили те косоглазые детишки. Как там бишь называется эта республика? Ну не суть. Но уж в этот-то раз они постараются и обязательно получают место.. Пусть хоть бы даже и третье.

– Выходит, в это лето не ожидается талантливых косоглазых ребяташек? – Леня взялся за ручку двери. .

– Не знаю. Но Кандинский сказал, что обязательно место у нас будет. Иначе он кладет голову свою на отсечение.

«Можете точить топор» – хотел сначала ответить Васинцев, потому как баянисты пьяницы Кандинского играли скверно, но затем передумал и толкнул дверь от себя, вошел в комнату, где за столом перекладывала бумаги низкорослая, с копной вызолоченных под рыжину волос, неказистая женщина, в облагающей белесой безрукавке, с огромной грудью, указавшая ему авторучкой на стул с другого края стола . Ног сидящей не было видно, но он-то знал что и нижняя часть ее упругого, перевитого мышцами тела закручена в обтягивающие, поблескивавшие на солнце медными заклепками штаны, которые давя и сжимая, все же никак не могли скрыть хорошей, родственно груди, выпиравшей задницы.

– Принес документы? – узкое стареющее лицо модницы, с мелкими морщинками, присутствие которых должен был скрывать игравший на коже отсветом крем, имело блеклые, скорее голубые чем иного цвета глаза и выкрашенный темно – лиловой помадой приспущенный уголками недовольства книзу маленький, сужающийся при отсутствии разговора ротик.

– Принес все что вы просили – при директрисе детского центра Васинцев был сама серьезность.

– Люда, оформи мальчика – услышав подъехавший к ступеням входа автобус, директриса решила самолично присутствовать при посадке в него детей и, выйдя на улицу, принялась распределять имевшиеся в резерве, не занятые другими, места .

– Ну вот, кажется и наши дождались – сказав это, Люда отошла от окна, оставив перед ним одного юношу наблюдать за суетой, неразборчивой схемой посадки и присела на отодвинутый стул, расписав ручку о край газеты, начав наконец предложенную ей начальницей работу.

– Хорошо сейчас на море – пропела она – Накупаются... Мой дома – белый как сметана.

. Дети-музыканты, грузно неся на плечах доходившие им чуть не до колен запакованные в чехлы инструменты, появились из-за огибавшей здание со стороны улицы окрашенной в

этом месте ограды и исчезали, получив прежде прикосновение руки директрисы к плечу или волосам, внутри автобуса.

Выйдя с левой стороны из кабины и отойдя от машины на пять шагов, докуривал сигарету немолодой сумрачный и широкоплечий шофер.

Вобрав в себя баянистов, автобус оказался теперь полон пассажиров и свободных мест больше не было. Через несколько мгновений предстояло отправление. Дождавшись сопровождающего – в спортивном костюме и бейсболке на голове – в котором Васинцев узнал встреченного пару дней назад в кабинете приемной баяниста, шофер отбросил за ограду окурков, вернулся в кабину и, просигналив махнувшей рукою женщине на крыльце, медленно сдвинул автобус с места а затем повернул его за угол, где асфальт выходил к открытым настежь воротам, по обе стороны которых стояли разбитые фонари.

– Все, уехали – парень отошел от окна, через склонившееся набок плечо в полосатой кофточке разглядев как старательно выполняет запись, выводя наклонные ровные буквы, девица – Теперь ждите с медалями.

-

Бросив писать, девушка поморгала на Васинцева, преобразившегося в ее глазах, с удивлением и интересом.

– Ты только поменьше болтай, не очень-то показывай ума.. У нас шибко умных не любят.

– Ну да? – Васинцев поковырял в ухе – Мне здесь нравится все больше и больше.

Вечер. Долгое ожидание. Сутолока подземного перехода, где просил милостыню нищий, непредсказуемость одиночества и нежная, едва давящая тоска поначалу переросли в машинном сердце в возникшее странное желание поскорее убраться из города а затем уже в тихую, по-детски беспечную радость от предвкушения предстоящего интересного пути. Полистав загодя купленный в дорогу «Космополитен», примостившись у окна на нижнюю кушетку своего места в одиннадцатом вагоне «Москва-Севастополь», Маша поприветствовала семейство, вошедшее с рюкзаками, ноутбуком и огромной связкой бананов, оказавшееся ее попутчиком до самого Крыма, подивилась проворности девятилетней девчушки, помогавшей молодому, но уже заметно поросшему по бокам складками нестройности отцу погрузить по местам принесенный с собою багаж. Перебросившись парой слов, позволила женщине, матери девочки, выложить на откидной столик приготовленную к ужину снедь и не став препятствовать, лишней раз подчеркивая свое присутствие в купе, Маша разрешила отцу девочки занять на время ее кушетку чтобы вместе, всем троим, дать им возможность поесть перед дальней дорогой.

Вагоны вздрогнули. Лязгнули металлические сцепки. Через небольшое время поезд двинулся на юг.

Девушка, присланная оргкомитетом сопровождать детей в Партенит, держась одной рукой за поручень, заняв место в проходе, достала из раскрытой папки приклеенный на картон рисунок, где был предложен на обсуждение следующий ребус – из открытого окна автобуса, идущего по запруженной машинами улице по –пояс высунулся Буратино, показанный

художником в предсмертной маске смеющегося безумца, который с распростертыми объятиями неказистых деревянных ручонок встречал уготованную ему участь.

– Ребята! – девушка взяла рисунок за края, сориентировавшись на полу подпрыгивающего автобуса и сдерживая равновесие неожиданными, будто танцующими движениями – Скажите, ребята, мешает ли Буратино другим водителям, которые едут по улице, тем что он высывает руки из окна? Мешает или нет?

– Меша-а-а-ет! – был дружный приговор детских голосов, с воодушевлением встретивших учиненный сопровождающей женщиной экзамен.

– А вот здесь? – рисунок переменялся. На этот раз Буратино перебежал проезжую часть на красный сигнал светофора с зажатым подмышкой букварем и высоко летящим позади алым бубончиком полосатой, похожей на чулок шапочки – Правильно ли переходит дорогу Буратино на этом рисунке?.. Посмотрите.. Вот он бежит через дорогу, опаздывает в школу. Или же он нарушает привила?

– Наруша-а-ет! – синхронно грянули следующие на фестиваль дети, у многих из которых в руках были зажаты футляры с музыкальными инструментами, порою размерами своими не уступавшие самому детскому росту. Бегущий сломя голову на рисунке Буратино, по непонятным причинам проигнорировавший свист свесившегося из постовой будки постового, занял свое прежнее место в папке, чтобы перед глазами ожидавшей продолжения подвигов смешного человечка автобусной кампании появился Буратино, вопреки всем правилам противопожарной безопасности разводящий костер в лесу.

Через полчаса ходу по трассе Польшаев, крутивший баранку водитель, угрюмый и неандертальского вида фигуры, замеченный Васинцевым из окна, остановился у площадки с кафетерием. При кафе работал маленький прозрачный из-за стекольных перегородок магазинчик, где можно было купить бутылку воды. Воду в старой алюминиевой фляжке Польшаев держал для другого случая, толком не зная наступит ли такой когда-либо или нет.

Вернувшись от магазина к автобусу, Польшаев остановился подле выбравшейся наружу выкурить тонкую сигарету женщины из оргкомитета, принеся в руке еще и несколько пластиковых стаканчиков, предложив ей выпить холодного лимонада. Женщина с охотой согласилась, приняв стакан и надев со лба темные очки – солнце резало глаза неимоверно – в свою очередь предложив Польшаеву сигарету.

– Интересная у вас работа – похвалил Польшаев – Возиться с детьми, я бы так не смог.. Честное слово, не смог бы. Вы их будто гипнотизируете своими играми.. Да.. Удав и обезьянки.

– Ну, дети любят когда все обращено в игру – Тамара, именно так звали молодую женщину, взяла себя под локоть и выпустила в сторону медленно растворявшийся в воздухе дым – В этом весь секрет. Если хочешь завладеть детским сердцем – думай как ребенок.

– Все равно это сложно. Казалось бы, чего? А нет, сложно.. Найди подход и завлечи, иначе ничего не выйдет, не наладится.

– У вас другой подход – к технике.

– Да, но техника совсем другое дело. Ее как смастерил, так она и поехала. Техника послушная, когда ее знаешь, когда умеешь с ней обращаться.

– В каждой профессии, стало быть, есть своя семечка – Тамара закончила пить и отдала Польшаеву опустевший стаканчик

– Хотите еще? – шофер отвинтил крышку, выпуская собравшийся под ней газ – Насчет каждой профессии – это верно. Это вы верно, конечно.

– Спасибо.

– Уважаемая! – Польшаев постучал в окно ехавшей на заднем сидении тучной матери одного очень подвижного и звонкоголового ребенка, мальчика, который не вез с собою инструмента, так как играл на фортепьяно. Капли пота были заметны на висках дамы. Видно жара и духота салона вконец допекли ее – Предложить вам лимонада?

Посоветовавшись с сыном, она взяла, в конце концов, два стакана – себе и ему. Разбудив спящего с открытым ртом в костюме бегуна Кандинского, Польшаев сделал пропозицию и ему прополоснуть в горячей иссохшейся глотке, после чего Кандинский сбегал к кафетерию и принес в оттопыренном кармане олимпийки запотевшую бутылку холодного пива.

Что ни говори, а в автобусе Польшаева собралась путешествовать к морю интересная компания. Дверь закрылась, завелся мотор и компания эта продолжила свое нескудное шествие по горным узким дорогам, выливая из окон по сторонам и оставляя позади наслаиваться в пьянящем воздухе гроздь звуков и затяжных нот исполняемой всеми хором песни.

Когда на побережье, насколько хватало обзора, море, бескрайне разошедшееся во все стороны, побороло цветом темно-синего оттенка, все более усиливавшегося с глубиной уходя к горизонту, все другие цвета и раскраски – белесо-серого песка, полосатых пляжных зонтиков, коричневых запыленных дорожек, выющихся к пляжу со всех сторон и черных пятен асфальтовых площадок – Ботанический сад в Никите был оплотом лишь одного-единственного, обнищавшего по сторонам всякого оказавшегося на его территории, зеленого цвета буйно стремящейся из-под земли полной соков и сил растительности. Природная красота и завершенность любой, самой дикой и причудливой флоры, переходя от деревьев к кустам, от кустов к непроходимым изгородям и бережно стриженным клумбам, от нависавших каскадов тянувшихся раскрытыми бутонами к солнцу цветов к спрятанным во влажность пахучей и звенящей своими запахами тени белым открытым беседкам, прикрытым пятипалыми листьями и утолщениями лиан – все в сочетании с приданной в добавок человеческими руками гармонией и ухоженностью любого из уголков сада, мозаично складывалось в единое полотно.

Из всей привезенной Польшаевым группы лишь только один баянист Кандинский не изъявил желания отправиться в прогулку по саду, предпочтя вместо того остаться самому в автобусе и проведив всех взмахом появившейся в окне руки, разместиться в ряду задних сидений и попытаться уснуть. Мальчики преподавателя, выступившие на открытии фестиваля, превзошли все возложенные на них робкие надежды, сыграв на удивление складно и без случайных оплошностей, дав тем самым законное право Кандинскому отметить такое существенное в его практике достижение и, возможно даже некий творческий взлет, после чего Кандинский

почувствовал легкое недомогание связанное с головокружением, что было списано всеми на вероятные последствия перегрева на солнце.

Шагая рядом с Тamarой по дорожке, стелившейся вокруг неширокого изогнутого палитрой пруда с островерхими лилиями, стоящими в воде, словно вылепленными из крема, Польшаев заметил как девушка, прикрыв глаза, втягивает носом воздух и тут же сам ощутил дошедший до него аромат, который струился от ограждавших дорожку слева похожих на сирень кустов и оранжевыми пучками прижатых друг к другу с братский любовью круглых ягод, обвитых лепестками.

– Как хорошо – Тома улыбалась робкой, едва заметной улыбкой, посмотрев на Польшаева – Чувствуете какой запах?..Этот воздух можно пить!

Ответив что запах чудесный, Польшаев запретил двум пацанам из числа своих пассажиров, подошедших к дереву и наклонивших ветку, рвать ягоды и вообще прикасаться к растениям, окликнув их так, как он привык приструнивать собственного сына. Оставив куст, дети вернулись на гравий тропинки и заспешили догонять остальных, собравшихся на площадке, обсаженной полукругом зеленых однообразно-голых стволов бамбука. Матрешка- мать пианиста приготовилась фотографировать выстроившуюся перед нею хохочущую и ставящую друг другу рожки свору, пригласив занять в кадре место и Польшаева вместе с Тamarой. Вежливо поблагодарив, Польшаев отказался, тогда как Тома, сняв очки и опустив руки за спину встала позади всех, чуть склонив голову набок, улыбаясь беспокойными в преддверии снимка губами.

Услышав легкий шорох, Польшаев краем глаза заметил как ветви низкорослой пальмы с широким волосатым стволом зашевелились и стараясь остаться незамеченными, ступая по траве, на песок вышли двое державших в руках пакет юнцов, которые поскорее постарались смешаться с толпой во избежание незамедлительно последовавшего бы при обнаружении их отлучения наказания.

Польшаев подозвал обоих к себе и приказал мальчишке, прятавшему пакет за спиной, открыть его и показать содержимое, добытое, в чем он ни капли не сомневался взглянув на детские лица, противозаконным путем.

– А ну, показывай чего вы там насобирали – Польшаев поправил у мальчишки ворот рубахи, стараясь не вызвать у того чувства страха или вины – Чего нарвали?

– Мы не рвали – дал за товарища ответ нахмуривший брови соучастник, который в свободное от браконьерства время здорово играл на виолончели.

– Давай-давай.. Покажи пакет – Польшаев протянул руку, ожидая пока мальчик сам, без принуждения выполнит его просьбу.

– Мы ничего не рвали. Честное слово – прикрытый пакет появился из-за спины.

– Не рвали, так тем более, чего боишься показать? Я ведь не отниму, просто раскрой пакет и дай мне посмотреть.

Ребенок, державший пакет, обернулся на подошедшую к ним, заметив напряженный разговор Тamarу.

– Что у вас тут стряслось? И кому будем сегодня промывать желудки марганцовкой?

– Они двое лазали в сад, пока мы тут развлекались фотографированием – Полысаев указал рукой в направлении того места, откуда вышли дети – Притащили что-то в пакете и не хотят показывать.

– Ребята, разве вы не знаете что нельзя ничего рвать в саду? – Тома наклонилась к прятавшимся глаза детским лицам, опершись руками о чуть согнутые в коленях ноги – Из-за вас у нас всех могут быть неприятности.

– Да ничего мы не рвали – державший скрученный пакет школьник развернул грязные складки и перевернул его, вытряхивая содержимое на песок

– Мы нашли червяка – сказал его приятель и ткнул носком ботинка на выпавшее к ногам стоящих черное, короткое, сантиметров двадцати, извивающееся в слепых поисках тельце. Похожее на змею елжевое существо с огромной для такого коротышки треугольной плоской головой, крутилось на месте, дергая по сторонам подвижным, сливового цвета хвостом, то тычась в него царапавшим по песку рыльцем, то распрямляясь во всю длину, точно с какой-то из сторон ему привиделась грозящая своим приближением опасность.

– Червяк ползал в кустах – мальчик, опорожнивший пакет, присел на корточки – Сначала я подумал что ондохлый.

– А разве это не змея? – с омерзением глядя на движения твари, девушка отступила на шаг назад, едва лишь та шлепнулась из пакета на землю, но потом переборолла в себе первоначальный страх и нагнулась, рассматривая пойманное детьми существо поближе – Почему вы решили что это не змея а червяк? И вообще, кто позволил вам трогать его руками? Может быть он опасный!

– Нет, он не фигу не опасный – подобранной с песка палочкой червяк получил легкий, но чувствительный укол в бок. Поблескивавшее полосатой кожицей тельце с тупоносой мордочкой дернулось, отражая атаку и треугольная голова тотчас же схватила посмевшую докоснуться до него палочку. Отдернув руку, мальчик отпрянул назад, заставив вздрогнуть не только Тамару, но и самого Полысаева.

– Не трогай! Не трогай его!

– Он слепой, он ничего не видит. Вот, смотрите. – потрепав палку, существо свернулось в клубок и застыло в неподвижной, ожидающей чего-то позе.

– Все равно не трогай. – Полысаев рукой отогнал мальчишку подальше от черно-маслянистого кольца – Откуда ты знаешь что он не видит?

– А у него нету глаз, как же он может нас видеть? Голова есть, а глаз нет.

Присмотревшись, Полысаев отметил про себя что ребенок прав – глаз у необыкновенной змеи или чего-либо похожего на таковые у нее не было.

– Я предлагаю отнести его и выпустить обратно в траву – сказала Тома – Пусть ползет туда, где его жилище. Раз у него нет глаз, он может погибнуть на песке или дожидаться пока его кто-нибудь раздавит.

– Птицы быстрее заклюют – вставил Польшаев

– Вы не могли бы отнести его и выбросить назад? – на этот раз уже девушка обратилась к мужчине. В ее голубых, чуть раскосых глазах зажглась тревога.

– Да, конечно – Польшаев присел, соображая как бы выполнить просьбу и поискал взглядом вокруг себя ветку подлиннее – Давайте отпустим его домой.

Прошелестев по зажатым в траве листьям, в их сторону потекло длинное и черное, точно вздувшаяся тень от человеческой руки, более метра длиною и увенчанное широким ромбовидным приплюснутым кулаком. В несколько мгновений преодолев расстояние до сидящего спиной к кустам ребенка, огромный, толщиной в обхват руки червь обвил его левую ногу и широко раскрыв пасть впился в помазанное зеленкой на месте ссадины колено заверещавшего в ужасе малыша. Вскочивший на ноги Польшаев, отдернув зв себя Тамару и виолончелиста, увидев предсмертный ужас в глазах бьющегося на земле несчастного, заметил еще две черные полосы, плавно скользившие через бордюр на песок, а затем еще две. Попятившись назад, Польшаев посмотрел на продолжавшую позировать перед камерой группу школьников. Несколько человек с интересом смотрело в их сторону, не соображая что же там такого происходит. Когда через несколько секунд количество прибывающих со стороны прикрывавшей их зелени червей перевалило за десять, Польшаев толкнул Тамару и мальчишку вперед себя по направлению к остальным, прошептав им «бегите!» и закричал изо всех сил тем, кто стоял в стороне и еще не представлял возникшей вдруг для них угрозы – «Бегите! Бегите!!» – но никто не сдвинулся с места. Размахивающий руками водитель автобуса вызывал улыбки и удивленный смех своими дикими выкриками, только у бегущих к ним женщины и виолончелиста были чересчур бледные лица.

Поднявший ногу Польшаев приготовился раздавить первую же тварь, осмелившуюся приблизиться к нему на расстояние удара. Он замер в одиночестве у окраины площадки с бамбуковой рощицей, издалека став похожим на болотную цаплю. Несколько головастых черных гадин, по бокам у которых налипал оранжевый песок, окружили человека, опасно скользя по кругу, словно установив его нахождение по запаху, и подбирались все ближе и ближе, готовясь напасть в любую минуту.

– Господи Боже!! – толстуха с фотоаппаратом вздернула руками и кинулась выдергивать из толпы своего онемевшего на мгновение сына, который заметил продолговатые тела из-за чужих спин – Смотрите как много змей!!

– Змеи!! Змеи!! – толпа кинулась врассыпную, не слушая приказов пытавшейся образумить их и отогнать к ограде Тамары. Она металась среди вопящих от внезапно обуявшего их страха детей, не в силах предпринять что-либо и прекратить панику.

Две девочки неожиданно отделились от группы. Увидев ползущие на них тупоносые слепые рыльца, что двигались вдоль бетона ограждения, они показали червям спину и помчались вое с площадки, истошно крича и призывая визгом на помощь, перепрыгнув парапет, по колено в высокой траве, одна за другой, хватаясь руками за ветви и землю, намереваясь

укрыться среди белых колонн пустой мраморной беседки. Конический купол ее ясно просматривался сквозь ограждавшие строение лезвия листьев финиковой пальмы.

– Нет! Уйдите из травы! – Полысаев носком серых летних туфель шаркнул облачко песка в сторону особо близко подобравшегося к нему змея – Тамара! Не пускайте их в траву!.. Не пускайте никого в траву!!

Поняв что хочет втолковать ей шофер, женщина повернула перекошенной лицо к беглянкам.

– Назад! Девочки назад!! – но перепуганные дети и не думали останавливаться.

Мать пианиста, заслоняя того всем своим широким телом, с приплясывавшей от резких движений грудью, споткнувшись о чью-то ногу едва не рухнула на землю. Она отходила каждый раз в противоположную сторону окруженного бетонным шлейфом кольца площадки, как только черви меняли направление, резко изгибая бескостные тела, двигаясь в их сторону.

– Уберите их! Кто-нибудь, прогоните же их обратно!!

«Мамочка, он ползет на меня! Пошел прочь!! Пошел прочь!! Он укусит меня, укусит! Не убегай! Никто не разбегайтесь! Соберитесь все в кучу! Все ко мне! Там еще один! Смотрите, еще один!»

Решившись раздавить вьющегося почти под самой ногой чуть короче всех остальных, но такого-же головастого червя, Полысаев задумал пробиться к затихшему на земле мальчику, переставшему орать и содрогаться в истерике, взять его на руки и вынести, вывести и всех остальных за собою в верхнюю часть Сада.

Червь, укусивший мальчика исчез, оставив на его колене бардовую, стекшую по голени тонкой струйкой крови отметину.

Нога ударила в песок, не задев морды, успевшей вовремя увернуться, лишь пришибив посередине отпрянувшее в сторону тельце, свившееся в клубок.

Проворный, гад! Полысаев отступил на два шага в сторону – может быть мальчишку удастся вытащить, ухватив за ворот – но неожиданно пружиной выпрыгнувший к его ноге червь укусил Полысаева, причинив невероятную жгучую боль, прокатившуюся разрядом тока по всему телу, обвил хвостом атакованную ногу и сколько бы не пытался сбросить его и освободить ногу закричавший от боли несчастный, червь словно присосавшись к коже через разорванную ткань штанов, оставался висеть на нем, сжимая и скручивая сливовые кольца до тех пор, пока появившееся кружение в голове и собравшаяся темнота перед глазами не приказали Полысаеву перестать бороться за свою жизнь и не положили его, оглушенного и разбитого словно бы ударом, навзничь.

Комната, милостиво отведенная директрисой под келью сторожа, была приспособлена к обитанию в ней человеческого существа добавленными одна за другой в интерьер, по капле, деталями обжитости чередовавшихся здесь сторожей, предшественников Васинцева. Перечисление предметов быта, составлявших общую картину мебелировки сторожки, не заняло

бы большого списка и уж наверняка не произвело бы впечатления на персону, привыкшую к домашнему уюту и к пусть не фешенебельному комфорту, то уж к условиям соблюдения чистоты и порядка однозначно, однако для Васинцева, не ожидавшего никак что в его распоряжении окажутся раковина с умывальником, сбитый накрепко гвоздями книжный шкаф, потрепавшие потертый, но исправный диван и соединявшийся с внешним миром посредством выведенной в окно медной проволоки цветной телевизор, вся убогость и представшая на первый, неразумный взгляд захудалость вверенного ему помещения, не смогли противостоять логике того суждения, что при других обстоятельствах, не имея всего этого, каждая проводимая здесь ночь одевалась бы в режущие спину латы неудобств и темное решетчатое забрало отсутствия каких-либо, кроме снотворных книжек, развлечений.

Одна, массивная и тяжелая, дверь сторожки выводила во внутренний двор, где едва отперев ее в лицо выходящему разила струя теплого кислого запаха неочищенных с прошедшего вторника машиной мусорных контейнеров, отчего Васинцеву, получившему перед выходом в первое ночное дежурство тысячу предостерегающих его в основном наставлений, рекомендовано было пользоваться другой и последней на этот раз дверью, что отпиралась прямиком в холл и была соседкой двери гудящего денно и ночью потоками низвергающейся воды просторного, с восемью отделениями кабинок и четырьмя рукомойниками туалета.

Поставив принесенную из дому сумку на стол возле набитой скуренными сигаретами жестянки из-под кофе, Васинцев прогремел связкой ключей, торжественно врученных ему по завершении инструктажа, выставил из сумки в баночке и газетном свертке продукты, зубную пасту, щетку в футляре, бритву с туалетной водой и несколько учебников, после чего решил отправиться на осмотр опустевших к семи часам вечера владений, среди которых ему предстояло провести последующую дюжину часов времени.

Широкий темный холл с прогалинами высоких, довоенного стиля окон, куда Леня попал отперев внутреннюю дверь и выплеснув прямоугольник света на шашечное чередование напольных гранитных плит, переходил в загадочно гудящий в тишине опустевшего здания, отдавая от себя назад шлепание каждого шага, лестничный пролет, где ступень за ступенью, если приглядеться повнимательнее или просто включить свет, были искусно выложены разноцветной мелкой плиткой, увековечивая каждую из них, поднимавшихся к решетчатому окну пролета отдельной, пускай и простенькой в исполнении, но все же отличной картинкой узора.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, Васинцев оказался в полуокружении запертых, неприязненно и молчаливо встретивших его кабинетов, где за дверью каждого скрывался распознаваемый без труда по табличке класс по роду проводившихся в его стенах занятий. «Моделирование» – прочел Васинцев на первой двери и взглянув на луну за окном в чистом ночном небе передвинулся к следующему кабинету. Прибитая на дверь табличка распространялась о том, что имеет удовольствие каждый день за просто так слушать гремящие по коридору спевки хоровой группы. Не моя стихия, подумал Васинцев, миновав «Кройку и шитье», «Кукольный театр», «Ансамбль народных инструментов» и оказавшись у последней двери левой половины этажа, обнаружил что за ней скрываются владения мокроносых гроссмейстеров. «Шахматы» – было написано на двери. Нет, шахматы отложим до более удобного случая. Достав из пачки сигарету, он светом вспыхнувшей спички озарил притороченный канцелярскими кнопками к стене рисунок, где преобладающим в тематике был натюрморт с вазой и двумя, как показалось Васинцеву, абрикосами, хотя на некоторых работах они больше напоминали спелые яблоки или крупные мандарины.

Раскурив сигарету, подошел к окну. По улице ехал грузовик в свете фар. На углу противоположного дома играла яркая неоновая ленточка готовящегося к закрытию кафетерия. Город затихал, отходя ко сну и ничто не могло нарушить заведенного много лет назад привычного распорядка.

Убравшись со второго этажа назад, под высокие потолки каменного зала, юноша прошествовал вниз по лестнице, заглянул в уборную, где на всю ночь оставался гореть свет и распахнув створку двери черного хода вышел наружу.

Кусты жасмина спускались вниз к металлической ограде, останавливаясь с обеих сторон асфальтового въезда подле запертых на навесной замок ворот. В обязанности Васинцева входило также отпирать этот замок и распахивать ворота, пропуская к контейнерам приехавший увезти мусор грузовик ранним утром, когда озноб в лучах рассвета, вежливо раскланиваясь, обещает полуденную жуткую жару.

Подойдя к сетке прутьев, фонтаном выходивших из нижнего правого угла одной из половинок ворот, неплотно прилегавшей к другой, Васинцев достал еще одну сигарету, пятую или шестую уже за вечер, облокотившись на металл и взяв одну из жил арматуры пальцами, рассматривая пробежавшие справа налево и сворачивавшие вниз по улице слепившие его фарами автомобили. На том углу перекрестка зорко следил за всем оранжевый глаз сигнализации оставленной в покое людьми фруктовой лавки. Интересно, размышлял куривший Васинцев, есть ли сторож в овощном магазине? Еще раз всмотревшись в темные стекла витрины, юноша решил все-таки что никого там, должно быть, нет и за все работает одна включенная кнопка сигнализации. Стрельнув разлетевшийся бисером огоньков окурок об асфальт улочки, Васинцев повернул назад, проведя рукой по ветвям пахнущего сладким жасмина и закрыл за собою дверь в сторожке. Впереди была еще целая ночь.

Поезд Маши подошел к перешейку, связывающему материк с полуостровом, слегка снизил скорость и зачарованный светом поцелуев из окон промчавшегося в обратном направлении встречного состава, поспешил стучать колесами меж расстилавшихся по обе стороны от него водных пространств, плохо различимых в темноте и державших на поверхности сброшенные перья разбившегося о воду лунного света.

Сутулая мать маленькой спящей девочки, расквитавшаяся за дорогу с полусотней книг на телефоне, подтянулась на носочках, так как росту была низкого и поправила прикрывавшую тонкокостное тело дочери простыню.

Вскоре проскользившая вдоль запертых дверей купе проводница объявила название приближавшей станции. Поезд, заскрежетав по рельсам, начал медленно останавливаться и долго ползя на малом ходу, наполняясь гомоном готовившихся высадиться ездоков, наконец стал у короткого перрона, переполненного в свете фонарей продавцами фруктов, пива, сушеной рыбы и домашнего вина. Маша услышала разноголосую, выкликавшую и предлагавшую наперебой принесенный и протягиваемый в окна товар речь людей подле поезда, в голосах которых преобладал родной ей язык, но были еще и непонятные, звучащие странно и непривычно слова.

На вокзал Симферополя поезд прибыл уже за полночь.

Длинное серое строение, перешедшее в башню со шпилем, оказалось зданием вокзала, освещенного светом прожекторов – конечной станцией пути глядящей в окно девушки. Заметное по сравнению с другими станциями оживление, которое сразу бросалось в глаза, говорило о том что ошибки быть не могло и это действительно город. Группы людей, ожидавшие прибытия поезда на платформе, разнящиеся с одинокими настороженными фигурами таксистов, равномерно поделились, едва только поезд поравнялся в заездном тоннеле подножками ступеней с коркой переплетенного металлом асфальта, разошлись в обе стороны по ней, следуя цифрам номеров, заклеянных белыми квадратами на вагонах.

Маша достала примятую за многие часы езды дорожную сумку. Люди в купе еще спали. Она вспомнила что ехать им было до Балаклавы. Стараясь не разбудить их, тихонько открыв и вернув назад за собою дверь, она прошла по коридору к к распахнутому наружу выходу и подождав пока проем, занятый чужими сумками освободится, держась за поручень и чувствуя наполнявшее ее грудь волнение, сошла на землю, заранее еще в окно разглядев лица пришедших ее встречать тетки, муже теткиного, их сына Виктора, который дразнил ее в прошлый приезд «скелетоном» из-за худобы и еще кого-то, бывшего с ними тут же, которого она не знала или не могла припомнить.

Ну вот она! Ну вот она, красавица наша! – поцеловав вышедшую к ним племянницу в губы, тетка обняла ее крепко и улыбаясь блестящими в темноте крупными не ровными зубами отодвинула от себя, держа за руки и любуясь Машей.

Оправившись после случая с Эрне, уложившего того на больничную койку, Везезин решил больше не пытаться судьбу, после каждого подарка которой на голове появлялся лишний седой волос, и хотел было отказаться возить немцев, но неожиданно для него Хельман запротестовал и выдвинул ультиматум – или водителем их будет Везезин, или они немедленно возвращаются назад в Германию, расторгнув устный уговор проживания в доме отца их друга.

Ладно, подумал Везезин обо всем этом, так тому и быть...

Рано утром, когда решено было навеститься в больницу к Эрне, для чего с вечера вчерашнего дня Везезин-старший накупил на рынке целую сетку фруктов, в дверь квартиры позвонили, и он послал младшего сына Митю открыть, потому как сам в тот момент следил за поднимавшейся в турочке пенкой кофе.

– Митя, сдраствуйте! – Хельман вошел в открытую ему дверь и весело улыбаясь, точно только что он нацарапал на стене похабное слово, пожал парню руку – Очень корошо сичас иду по улице, иду херр Ферейзн домой. Погода корош. Сонце очень корош!

– Молодец, экзамен по русскому сдал. Снимай ботинки.

Хельман снял обувь, с трудом приученный этому семейством Везезиных, которым поначалу приходилось мыть за ним полы по сотне раз на день. Гость объяснял что у себя дома не снимает ботинок. Везезин спрашивал – как же он тогда ходит по коврам, на что Хельман отвечал, мол, если на улице очень чисто, то можно не снимать.

Разутый немец, не трогая с головы бейсбольной шапочки, в темных очках, таящих в себе опасность разбить лоб в затемненной прихожей, заглянув в зал, зашел на кухню.

– Херр Ферейзн! – в знак приветствия Хельман вскинул обе руки – Добрый утро! Кофе очень-очень корошо, аромат, значит фатер Ферейзн кукне!

Верезин улыбнулся неровными желтоватыми зубами.

– Давай, садись-ка кофе пить. Блинчики покупные, но съедобные.. Митька, и ты садись с нами. Умывался?

– Умывался – ответил младший Верезин.

Розлитый по чашкам черный кофе, с ободком украшавшей его пузыристой пенки, наполнил кухню будоражащим ноздри горьковатым запахом, прогонявшем дремоту и лень. Сделав по несколько глотков, Хельман с Верезиным встали и отец Мити, выложив пакет с фруктами из холодильника на стол, пошел переодеться в более приличную рубашку, в которой не стыдно было бы появиться в людном месте. Через десять минут оба уехали.

Митя Верезин допил кофе, посидел немного, смакуя последние его капли, затем помыл и свою и две оставленные чашки. Вытерев со стола рукой, прошел к себе в комнату и сел на диван. Мысль его усиленно работала в направлении того, что неплохо было бы оторваться сегодня от заваливших компьютерный стол книжек и провести день, или хотя б полдня в компании, дав таким образом разрядку бешено вбивавшему информацию несколько последних недель мозгу. Поступление в университет изрядно вымотало парня.

Посчитав наличные деньги, составлявшие все его сбережения на этот час, Митя остался удовлетворен суммой, которой с лихвой хватит на пару бутылок марочного молодого вина и положив все до копейки в карман, он взял телефон и не раздумывая набрал хорошо знакомый номер.

– Алло? – трубку на том конце взяла девочка.

– Алло, сопливая , а ну-ка верни телефон своему братцу.

– Митя, это ты?

– Нет, это Дед Мороз, который остался без работы на лето – ответил парень, любивший перебраниться с острой на язык школьницей, сестрой Васинцева, по телефону – Вы ищите аниматора на пляж?

– Вот дурак.. А ты чего звонишь?

– Потрепаться с другом – святое.

– Жалко – услышал он – зря понапрасну потратил время – Лени нет дома.

– А где же он может быть в такую рань?

– Можешь себе представить – он устроился на работу сторожем. Буквально только что и стережет э-э-э..Дом детского творчества, так что-ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.